

третьих, курьер гетмана в царской ставке Иван Черныш прислал Ивану Степановичу копию царского указа, содержание которого привело в бешенство старого гетмана. В нем речь шла о планах царя направить Киевский и Прилуцкий полки, находившиеся в Литве в составе русской армии, на муштру и переформирование с целью их переустройства в регулярную армию. Для Мазепы это был второй удар по планам создания великой Гетманщины. Рушилась ее основа – полковое устройство, далее могло быть только одно – окончательное преобразование Малороссии в обычное губернаторство.

Так случилось, что гетман получил и прочитал оба послания одновременно. Генеральный писарь Филипп Орлик вспоминал впоследствии, что Мазепа в страшном гневе воскликнул: *"какого же добра впредь ждать за нашу верную службу?! И кто был таким дураком, как я, чтобы до сих пор не принял противную сторону на таких условиях, какие Станислав Лещинский мне присылал!"*

По приезду в свою ставку в Дубно Иван Степанович был приглашен в Белую Криницу в качестве крестного отца к дочери князя Вишневецкого, крестной матерью новорожденной была уже не молодая, но еще обворожительная княгиня Анна Дольская, мать Вишневецкого, вдова, пережившая двух мужей. Женщина, сыгравшая впоследствии роковую роль в судьбе гетмана. Несколько дней провел гетман в обществе польских панов и "прелестницы" пани Дольской, как ее называл Орлик. Долгие ночные разговоры закончились взаимной симпатией и обещанием вести переписку, для чего обе стороны обменялись шифровальным ключом. Возможно, княгиня Дольская, будучи тайной сторонницей короля Станислава Лещинского, уже строила планы переманить Мазепу. Но возможно и то, что Мазепа хотел иметь своего информатора в стане противника. Кто мог знать о предмете их личных бесед?

В те же дни Мазепа получил царский приказ о возвращении в Батурин, гетманскую столицу. Это могло означать то, что гетмана не хотели оставлять